

Тотальная инсталляция В великом музее

Эрмитаж дождался приезда знаменитого концептуалиста Ильи Кабакова

Раньше российский турист лишь вздыхал в парижском Центре Помпиду, один из этажей которого был отдан под инсталляцию Ильи Кабакова. Переполюбили и гордость, и жалость: да почему же творчество Кабакова представлено почти везде, но только не на родине? Сенсацией стал приезд прославленного концептуалиста в Россию после многолетнего отсутствия: в Государственном Эрмитаже открылась его персональная выставка "Случай в музее и другие инсталляции".

Посетитель Эрмитажа теперь может быть уверен, что побывал в одном из главных музеев мира. Директор Эрмитажа Михаил Пиотровский пообещал, что две инсталляции Кабакова – "В шкафу" и "Туалет в углу", дары художника, – войдут в постоянную экспозицию наряду с "Черным квадратом" Малевича, недавно тоже подаренным Эрмитажу. Произведения этих двух самых известных художников России XX века составят честь любой музейной коллекции.

...Казалось, ничего не изменится – знаменитый соотечественник, уехавший 16 лет назад, предпочитает не возвращаться. Весь год Москва полнилась слухами, вероятный приезд Кабакова обсуждался почти шепотом, чтобы не спугнуть саму возможность появления художника на родной земле. Ждали инсталляций, причем исключительно Тотальных. Но призывы "Автора!" до адреса будто не доходили. Семидесятилетие Кабакова отмечали по-сиротски, в отсутствие юбиляра, художественная общность бродила среди фотографий главного московского концептуалиста: "Кабаков в мастерской", "Кабаков на природе"... А самого Кабакова все не было.

Он не приехал даже зимой, когда в Третьяковке открылась его персональная выставка. Но от нее осталось разочарование – слишком уж скромно для первой официальной выставки в России: пускai листы из альбома 1970-х "Десять персонажей" и развешаны по личным указаниям автора, пусть и в государственном музее, но все же в дальнем зале, куда не всякий дойдет. И составить впечатление о феномене этого художника масштабы выставки не позволяют.

Из дня сегодняшнего инсталляция в Третьяковской галерее представляется громким вступлением, подготовкой публики к полноценному восприятию таланта Кабакова. Дальше шло по нарастающей, и когда весной, в рамках "Москвы – Берлина", в Историческом музее нам показали "Человека, улетевшего в космос", это стало добрым знаком.

В предзнаменования порой стоит верить: Кабаков все же приехал, но столице предпочел Санкт-Петербург и Эрмитаж. И в этом надо видеть не столько удачное стечение обстоятельств, сколько сознательный авторский выбор. Персональная выставка мастера открылась в разгар белых ночей, в самом литературном

городе России, а Кабаков, как известно, самый литературный художник. Совпадение с городом Пушкина, Гоголя и Набокова было абсолютным. Всю суету вернисажа Кабаков стоически исполнял роль "маленького человека" из великих романов, странного героя своих же альбомов. Он представлялся – "мы", но совсем не из чувства собственного величия – просто нет теперь одного художника Кабакова, он работает вместе с супругой-соавтором, и подписи двойная: Илья/Эмилия Кабаковы. Общение с бесчисленной прессой было минимальным, ответ на вопросы единственным и исчерпывающим: "Нахожусь в состоянии глубокого сна, в котором невозможно отличить реальность от вымысла". Что уже есть прямая отсылка к текстам Достоевского или героям Набокова, для которых настоящий мир возможен исключительно в рамках искусства, а реальность – это болезненный бред. Но не осознавшие игры журналисты недоумевали и обижались на неразговорчивого мэтра.

22 июня узкие коридоры Главного штаба публики брала штурмом – эта битва за вход тоже казалась частью инсталляции. Главный штаб в ведение Эрмитажа перешел несколько лет назад; в его Восточном крыле, где развернулась экспозиция, ранее располагались разные министерства и даже была тюрьма. Внутри подтвердилось, что выбор пространства безупречен: из лабиринтов, ранее заброшенных чиновничьими кабинетами, еще не улетучился казенный дух, он витает где-то поблизости, как печальная тень Павла в закоулках Михайловского замка.

Выставочной площадкой стало Зеркальное, ведь с высоты птичьего полета Главный штаб является отражением Зимнего дворца. А Кабаков вновь оказался в оппозиции, на этот раз к эрмитажной роскоши. Царским парче и золоту он противопоставил памятные по советским временам серые и зеленые стены, ослепительному свету – тусклый полумрак, просторным залам – замкнутую территорию своих инсталляций, "туалета", "шкафа" и "музея". Рядом с одной рухнувшей империей он поместил другую, тоже теперь из прошлого. Разделяет их только площадь с Александринским столпом. Вот это состояние, важное в судьбе каждого родившегося в России, и помогает почувствовать и осмыслить Кабаков. Площадь перейти – какие-то минуты, а на деле целая вечность.

Погружение в Тотальную инсталляцию происходит на выставке с первых шагов. Зрители преобразуются в актеров и подчиняются автору-демиургу. Первый зал (макеты, фотографии, эскизы осуществленных на Западе проектов) транслирует знание "о чем-то высшем". Посетитель, как отважный герой кабаковской инсталляции в Мюнстере "Глядя вверх, читая слова", ждет послания с небес.

Следующий зал дает искомое. Воссозданная визуально точно, до

трещинок, атмосфера советского бытия заставляет прислушиваться к невятному пению из замазанного белой краской "Туалета в углу", всматриваться в детали нехитрого оборудования Шкафа – убежища для закомплексованного интеллектуала: маленькая скамеечка, настольная лампа, книги, второсортный фарфор. Вот идеальные помещения для самопознания, вот где покой и воля.

Художник уверенно манипулирует восприятием зрителей, выводит их из полумрака в третий зал, полный утопических проектов, он даже знает, как наладить связь с Космосом. После такой терапии ничего удивительного, что напоследок, весело смешивая все планы, выставку посещают некие маленькие человечки. Разглядеть их можно только в бинокль. По деревянному мосточку пересечь полумрак инсталляции "Случай в музее", аккуратно изучить крошечные бумажные фигурки, приклеенные к полу. И осознать, что нам дали возможность посмотреть на самих себя, взобравшись на доступную одному только художнику высоту. И рядовому посетителю музея на мгновение становится все понятно, убогие декорации раздвигаются и – уже совсем как у Гоголя – вдруг "видимо далеко во все концы света".

Глава Федерального агентства по культуре и кинематографии Михаил Швыдкой специально приехал в Петербург на открытие выставки Ильи Кабакова: "Возвращение шестидесятников произошло, вопрос в том, насколько они оказались способными отвечать на вызовы современного мира. Кабаков смог. Он один из многих художников, которые эти вызовы приняли в их категорической форме. То, что делают концептуалисты, – попытка продлить жизнь XX века. Эта игра с собственной жизнью, с бытом, с прошедшей историей, и Кабаков здесь гениально преуспел".

Художник Никита Алексеев знаком с Кабаковым более 30 лет, со времен квартирных выставок. Но в Петербург Алексеев не поехал сознательно: "Не хотел участвовать в идиолопоклоннической церемонии".

Философ, теоретик искусства Борис Гройс:

"Илья ориентирован на прошлые утопии и прошлые надежды. Это отношение не историческое, а археологическое. Кабаков выступает археологом современной жизни и искусства. Он рассматривает свою жизнь и жизни своих друзей как уже утраченные... Как то, что можно откопать и архивировать еще при жизни".

Когда в следующий раз Илья и Эмилия Кабаковы посетят Россию, неизвестно. Их календарь расписан надолго вперед. Следующая выставка уже через несколько месяцев – в Дании, в рамках празднования 200-летия со дня рождения Г.-Х. Андерсена. Кстати, Кабаков тоже начинал как сказочник – иллюстратором детских книг.

Ксения БАСИЛАШВИЛИ

Кубемтра. - 2004. - 8-14 июля. - с. 7